

АНН-МАРИ ФОРТЬЕ

Язык и идентичность квебекцев итальянского происхождения¹

В Квебеке и Канаде язык является центральной ставкой в споре, сталкивающем «два одиночества». Институционализация языка (французского в Квебеке; французского и английского в Канаде), как фактор и выражение этнической и национальной квебекской и канадской идентичности, привела к изменению иерархии противостоящих друг другу языков в условиях мультилингвизма (языки официальные, с одной стороны, и языки «неофициальные», «унаследованные от предков», с другой). Более того, этнические группы теперь идентифицируются посредством не только родины предков, но и языковых индикаторов, приводящих к трехчастному делению населения на франкофонов, англофонов и аллофонов (Piché, 1991; Renaud).

Как в этих условиях представители этнических меньшинств воспринимают связь языка и этнической идентичности? Интериоризировали ли они метонимическое отношение последних в том виде, в каком оно установлено в господствующем в Квебеке символическом порядке? Считают ли они, что исчезновение «родного» языка способно поставить под угрозу их индивидуальную и коллективную идентичность? Далее речь пойдет о различных значениях, придаваемых языку в конструкции идентичности квебекцев итальянского происхождения в Монреале. Эти факторы будут приняты в расчет в рамках рассуждения о процессе конструирования связи между языком и идентичностью. Рассуждения, которое, прежде всего следует поместить в контекст исследования этнических отношений и культурных практик.

Культура, этнос и язык

Культура — это не только духовная конструкция. Она представляет собой также совокупность практик и воплощается в формах общественной организа-

¹ Я благодарю Даниель Жюто (Danielle Juteau) за ценные советы и комментарии, которые она дала мне не только в процессе исследования, о котором здесь идет речь, но и в ходе наших последующих бесед по вопросам, рассматриваемым в данной статье. Я благодарю также Кристофера МкОлла (Christopher McAll) за его комментарии к предварительным версиям этой статьи.

ных отношений, посредством которых происходит социализация индивидов (Hall et Jefferson, 1976. P. 10–11). Социальные группы и их члены создают собственную историю, исходя из их социальных и индивидуальных условий жизни. Основываясь на структуре, унаследованной от прошлого, практики способствуют созданию новой структуры, из которой, в свою очередь рождается новое поколение практик. Структура и культура вступают в непрерывное взаимодействие, постоянно переопределяя друг друга. Нельзя говорить ни об устойчивости социальной организации, ни о гомогенности – диахронической или синхронической – культурных практик.

Не является также неизменной и этническая идентичность индивида или группы. Она скорее представляет собой безостановочный, подвижный процесс, который пронизывают два вектора, действующие одновременно: вектор подобия-непрерывности и вектор различия-разрыва (Hall, 1990. P. 95). Векторы, которые определяют путеводную нить, связывающую прошлое, настоящее и будущее, делая идентичность «как вопросом “становления”, так и вопросом “бытия”»². (Ibid. P. 225; вольный перевод). И это – вопрос «становления» одновременно *в и через* практики, опыты, выражения и интерпретации, которые дают индивиды своим жизненным условиям. Этническая идентичность, мыслимая таким образом, больше не сводится к сугубо экономическим или культуралистским соображениям.

Этнос, если он сводится к «вопросу культуры», предстает как зависимый от поддержания культурных практик, связанных с «истоками» той или иной группы. Застывшая, фольклоризованная, почти натурализованная культура понимается, таким образом, как тормоз на пути интеграции меньшинств в национальное сообщество, определяемое как однородное (Gilroy, 1987. P. 59). Так мы становимся свидетелями определенной «этнизации» общества, социальной иерархизации, основанной на культурных различиях (Oriol, 1979. P. 24), выстроенных как *абсолютные* (Gilroy, 1987. P. 39). Но этот «абсолютизм» заслуживает того, чтобы его уточнить, если не поставить под сомнение.

В данном контексте нужно исследовать язык как составную часть и продукт любой культурной системы, которую он интерпретирует и посредством которой интерпретируется, изменению которой способствует и посредством которой изменяется. Следовательно, язык понимается уже не только как элемент, который создает индивида, структурирует его мысль. Не является он также и простым зеркалом социальной организации (Benveniste, 1974; Bourdieu, 1982; Francois, 1976), но скорее представляет собой отражение ее *восприятия*, которое в свою очередь испытывает влияние существующего социального структурирования и господствующей идеологии (Hewitt, 1986. P. 201), и в то же время само воздействует на них. Язык, речь конституируют пространства, в которых взаимодействуют индивиды. Эти взаимодействия пронизаны социальными отношениями, влияющими на применяемый языковой и сверхязыковой код. Вместе с тем не стоит пренебрегать и силой речи. Таким образом язык вступает в динамическое отношение с социальным: произведенный последним, он в равной мере участвует в воспроизвод-

² «[...] a matter of “becoming” as well as of “being”». Оригинальные версии всех вольных переводов будут приведены в сносках.

стве, конструкции и репрезентации общества (Rortier, 1991). Кроме того, язык и речевые практики можно наблюдать одновременно под двумя углами зрения: *что* они производят и *как* они произведены.

Многие канадские и американские исследования, посвященные различным языковым практикам миноритарных и доминантных групп, предполагают культурную неизменность этнической идентичности и этноса. Они рассуждают о лингвистических переносах (Gastonguay, 1985; 1984; 1980; 1979; Paillé, 1984; Veltman, 1978; 1976) или о сохранении языков меньшинств и их связи с этнической идентичностью (Clément, 1984; Fishman, 1972; Lambert, 1967; Nahirny et Fishman, 1965). В других работах выверяется отношение между процентным содержанием языковой преемственности и степенью совместной сплоченности (Da Rosa et Poulin, 1986; Lamy, 1979; Lieberson, 1970; Painchaud et Poulin, 1988; Reitz, 1974; Valee et Shulman, 1969). В равной мере учитывается степень интеграции «аллофонов» во франкофонию при помощи языковых индикаторов (критика этих исследований и демополитического дискурса, который лежит в их основе; см.: Piché).

Однако, не отрицая существования связи между языком и этносом или этнической идентичностью, нужно сделать ее объектом исследования и задаться вопросом о процессе ее конструкции (Edwards, 1985; Hewitt, 1991; Khan, 1980; Giles et al., 1977). Посредством какого процесса язык возводится в фактор дифференциации (среди прочих), чтобы лечь в основу идеи этнической группы? В какой мере и как он участвует в социальных отношениях? Насколько глубока связь между языком и идентичностью? Каковы ее измерения, формы, уровни?

Способ понимания глубины и нюансов связи между языком и этнической идентичностью заключается в том, чтобы очертить различные значения, придаваемые языку индивидами и социальными группами. Множество употреблений языка раскрывает многомерность и разнообразие, которые может приобрести это отношение между языком и идентичностью³. Примеры, взятые из указанного контекста, будут поддерживать наше рассуждение о конструкции и отсутствии необходимости отношения между языком и идентичностью⁴.

Данные почерпнуты из исследования, проведенного среди квебекцев итальянского происхождения, в возрасте от 27 до 35 лет, живущих в Монреале, десять из которых являлись родителями как минимум одного ребенка на момент опроса, проводимого в 1986–1987 годах⁵. Объектом настоящего анализа будет дискурс, который респонденты используют при рассказе о своих языковых практиках. Точнее, речь пойдет о мотивах, на которые ссылаются опрошенные роди-

³ Социология наук о языке легко могла бы создать другое весьма интересное и показательное для анализа поле исследований, чтобы понять конструкцию языка как фактора индивидуального и коллективного, социального и психологического различия.

⁴ Речь, стало быть, не идет о том, чтобы производить систематический анализ контекстуальных и структурных факторов, которые вмешиваются в этот процесс и влияют на форму отношений между языком и идентичностью. Задачи этой статьи ограничиваются определением размеров и различных форм, которые может принимать отношение язык-идентичность.

⁵ Речь идет об исследовании употребления языков 12 мужчинами и женщинами, родившимися в Квебеке, родители которых — итальянские иммигранты, или которые приехали в Квебек в возрасте до пяти лет. Прошедшие школьное обучение в основном, если не исключительно, на английском, они говорят на французском, английском и итальянском. Чтобы больше узнать о исследовании и его результатах, см.: (Fortier, 1991).

тели, чтобы объяснить, почему они решили дать детям школьное образование прежде всего на французском⁶ и почему, с другой стороны, выбрали итальянский в качестве родного языка для своих детей, несмотря на то, что большинство респондентов говорят на английском со своим супругом или супругой⁷.

От наследия к политической борьбе: язык «родной» и язык «этнический»

Деконструировать этнос и его отношение к языку — не значит, напомним, отрицать существование данной связи. Конечно, этнические группы, особенно миноритарные, могут обращаться к «родному» языку, чтобы передавать собственное культурное наследие или сохранять связь с этим наследием. Если у иммигрантов — представителей этнических меньшинств — это обретает особый витальный смысл, связанный с выживанием культуры, то у их потомков это чувство может ослабевать или трансформироваться. Так, армянские иммигранты в Лондоне говорят о том, что беспокоятся о передаче армянского языка своим детям (которые употребляют его все реже), считая язык ключевым элементом армянской культуры и идентичности. Религиозные представители группы делают его даже предметом публичных выступлений, давая верующим «технические» указания, как прививать язык в кругу семьи (Talai, 1989. P. 92 et 108). Но если армянин может сказать:

Язык — не единственное, что «делает» тебя армянином. Что важно, так это отношение, однако язык — это ключ, думаю я (Ibid. P. 92, выделено нами, вольный перевод)⁸,

то итальянец «второго поколения», живущий в Монреале, скажет вам: «Не язык «делает» тебя италоканадцем»⁹. Он обозначит скорее совокупность обычаев, связанных с употреблением пищи, традиций (большие итальянские свадьбы¹⁰, воскресный обед в кругу семьи) или значимость семьи как выражение своей «итальянскости» (Fortier, 1991). Чем же мотивируется в таком случае выбор итальянского в качестве родного языка для детей?

Указываемая ими причина — связь с прошлым. На самом деле, квебекцы итальянского происхождения передают итальянский язык своим детям, заботясь о том, чтобы сделать их причастными к прошлому, воплощенному в их собственных родителях, которые более свободно говорят на этом языке, особенно если это итальянские женщины-иммигрантки.

⁶ Девять из десяти опрошенных родителей обозначили этот выбор. Уточним, что, обучаясь в школе в Квебеке на английском, эти мужчины и женщины выбрали язык школьного образования своих детей на основании положений, предусмотренных «Хартией французского языка».

⁷ Две женщины говорят по-итальянски со своими мужьями, которые эмигрировали из Италии в зрелом возрасте. Третья говорит со своим супругом по-французски. Отметим также, что эти итальянцы по происхождению практикуют постоянный билингвизм (английский-итальянский) в общении с собеседниками итальянцами. Этот билингвизм основан на «поколенческой» идентичности индивидов, то есть они обращаются по-итальянски к иммигрантам, а по-французски — к представителям «второго поколения».

⁸ «The language is not the only thing that makes you Armenian. The important thing is your attitude but the language is the key, i think».

⁹ «It's not the language that makes me Italian-Canadian».

¹⁰ «Italian style».

[...] Я хочу, чтобы он [ребенок] учил итальянский. Хочу, чтобы он знал итальянский, как мы его знали, потому что даже то, что пережила моя мама, я переживаю не так, как переживала она. Каждое поколение отличается от другого, но я хочу, чтобы оно сохраняло что-то. Хочу, чтобы он знал, что его бабушка была такой, какой она была, и потом [...] чтобы он знал, как все было.

Такое возвращение в прошлое через изучение «родного» языка было отмечено также у молодежи «третьего поколения» иммиграции в Соединенных Штатах (Nahirny et Fishman, 1965). Однако эта связь с прошлым, это желание узнать, какими «были» его предки, не может по-настоящему удержать или реанимировать этнос или этническую идентичность (Edwards, 1977. P. 272). Этнос, который, подчеркиваем, участвует в этом акте изучения «родного» языка и предшествует ему.

Итак, эта связь с прошлым не позволяет нам установить *необходимое* отношение между языком и связанной с ним этнической идентичностью. В ходе истории мы становимся свидетелями исчезновения, трансформации или сохранения элементов культуры, одним из которых, среди прочих, и является язык. В данной перспективе язык встраивается в *систему*, которая скорее производит этнос и этническую группу, нежели дополняет простой перечень элементов, действительно *составляющих* этнос. Напомним, что эти квебекцы итальянского происхождения не делают из итальянского языка свой опознавательный знак. Для этого они прибегают к другим языковым практикам (см. ниже).

Следует подчеркнуть, что по ту сторону речи и языка существуют ассоциации, предприятия, «Малая Италия», медиа, культурная деятельность, которые вносят свой вклад в создание этой итало-канадской идентичности (Breton, 1991. P. 133; Juteau, 1983). К примеру, почти все опрошенные (9 из 12: 5 мужчин и 4 женщины) в прошлом хотя бы раз работали на мелких итальянских предприятиях. Шестеро из них благодаря этой работе сделали свои первые шаги на рынке труда. По-видимому, существование итальянской сети занятости не только позволяет детям иммигрантов выйти на рынок труда, но равным образом может обеспечить им социоэкономическую подвижность. В нашем примере шесть человек (4 мужчины и 2 женщины) поступили на должности низшего или среднего профессионального звена благодаря приобретенному опыту или контактам, установленным во время работы на итальянском предприятии (коммерческом или общественном). Четверо из этих шести на момент опроса все еще работали на итальянских работодателях¹¹. Отметим также, что большинство друзей опрошенных — квебекцы итальянского происхождения (Fortier, 1991).

Однако, если большое количество иммигрантов обеспокоено упадком у своих потомков определенных культурных практик, в том числе использования «родного» языка, то существование этих организаций свидетельствует об устойчивости «этнического» фактора в социальных отношениях¹². Идентич-

¹¹ Как анализ этого феномена, так и траектория занятости опрашиваемых и их языковые практики на работе представлены в (Fortier, 1991). Данные анализируются параллельно с этническими и половыми социальными отношениями.

¹² Или, по меньшей мере, об устойчивости факторов, *выстроенных* индивидами как этнические. По этому поводу см. работы: (Breton, 1964; Candeloro, 1988; Fishman, 1972; Harney, 1978; Nahirny et Fishman, 1965), которые, кроме того, освещают деятельность итальянцев из Торонто или Америки, подчас интенсивную, на культурном, экономическом и иногда на поли-

ность строится в подобных практиках, а не помимо них, и выражается в разнообразных формах. Различные жизненные условия итальянских иммигрантов в Монреале, Торонто или Бостоне благоприятствовали поддержанию итальянского языка у одних и его упадку у других¹³. Но в то же время ничто не говорит о том, что «итальянскость»¹⁴ у одних от этого ощущается меньше, чем у других.

Таким образом, уже не представляется необходимым, чтобы передача итальянской идентичности происходила через «родной» язык, который с ней связан. Этот важный нюанс подводит нас к тому, чтобы мы начали различать «родной» язык и язык «этнический». Жиль, Бури и Тэйлор (Giles, Bourhis et Taylor, 1977. P. 372) ввели термин *ethnic speech style*, чтобы расширить слишком ограничительный смысл понятия «язык» и включить в него надъязыковые элементы. Таким образом они усиливают свою аргументацию, в соответствии с которой язык относится к важнейшим символам этноса. По их мнению, язык представляет собой выражение этнической общности, разделяемой членами одной этнической группы, посредством которого они узнают друг друга и отличают себя от других этнических групп. Тем не менее эти авторы признают, что язык не всегда действует как важнейшее измерение, свидетельствующее об этнической идентичности группы (Ibid.). Когда и как предстает в качестве важнейшего измерения коллективной этнической идентичности? Из чего складывается «этнический» язык? Какие формы может принять этот маркер идентичности?

Конструкция «этнического» языка

Конечно, в конструкции отношения между языком и идентичностью участвуют различные условия жизни группы. Как между группами, так и между индивидами языку приписываются различные социальные значения не только от одного контекста к другому, но и, равным образом, в одном и том же географическом пространстве. В основе использования языка как коллективного этнического маркера лежит несколько составляющих, тогда как сам «этнический» язык заключается в многомерной и разнообразной практике.

А) Чувство зависимости

Молодые взрослые квебекцы итальянского происхождения, которые были опрошены нами, испытывают *чувство зависимости* от того, что, как им кажется, неверно употребляют французский язык, с одной стороны, и что знанию других языков, особенно «неофициальных», придается недостаточное значение, с другой. Об этом красноречиво свидетельствует один из респондентов

тическом уровне. Об отношении к «родной» культуре, изменении ее значения и выражений, см.: (Breton, 1991. P. 145; Dreidger, 1977; Fishman, 1972. P. 48–75; Gans, 1979; Weinfeld, 1981).

¹³ Паншо и Пуля (Painchaud et Poulin, 1983) отметили, что дети итальянских иммигрантов общаются со своими родителями исключительно на итальянском в соотношении 58% в Торонто к 83% в Монреале. Кроме того, показатель преемственности итальянского языка — 75,1% в Квебеке к 69,1% в Онтарио и 68,6% во всей Канаде (Painchaud et Poulin 1988. P. 141).

¹⁴ Речь здесь идет не о неизменной и укорененной в «истоках» «итальянскости», но об «итальянскости» подвижной и преобразованной, которая является результатом практик, определенных и выстроенных как «этнически итальянские».

тов, который, даже если он утверждает, что говорит по-итальянски не так хорошо, как по-французски, чувствует себя

намного более свободно в итальянском, чем во французском [...] это странно [...] как и у всех, кого я знаю: они осознают, что итальянцы, которые здесь живут, плохо говорят по-итальянски [...] и с этим легко примириться. Но французский — считается, что ты должен говорить на нем очень и очень хорошо. Если сначала ты делаешь ошибки, это расстраивает тебя... Как если бы от тебя ожидали, что ты будешь в совершенстве говорить по-французски [...] если я сделаю малейшую ошибку, это приводит меня в замешательство, и я ничего не могу сделать.

Вслед за Мишелем Орионом (Mishel Oriol, 1979), мы считаем, что зависимый субъект считает привычным «свое более низкое положение» — будь оно реально таким или нет — в силу плохого знания языка. Далее Ориоль поясняет, что, если этот самый субъект

недостаточно владеет синтаксисом или пользуется лишь ограниченной лексикой, его социальная, экономическая и политическая зависимость является чем-то самым собой разумеющимся [...] В таком случае идеологическая маскировка весьма эффективна: формальное равенство граждан внутри одной и той же национальной группы вводит как неравенства, связанные, главным образом, с разницей доходов, культурные различия (Oriol, 1979. P. 24, выделено нами).

Так что это чувство зависимости является одной из мотиваций, лежащих в основе того, что квебекцы итальянского происхождения выбирают французский язык для обучения своих детей:

И если бы он [ребенок] владел хорошим базовым французским [...] при том, что он в любом случае заговорит по-английски, он был бы силен в обоих языках, он не был бы *неполноценным*, как я (Ibid., выделено нами).

Переживание чувства зависимости было отмечено и в других условиях. Возьмем, к примеру, случай карибских иммигрантов в Великобритании, которые отговаривают своих детей говорить на креольском языке или на одной из его разновидностей, так как эти языки ассоциируются с низким социоэкономическим положением и воспринимаются как преграда для изучения английского (Hewitt, 1986; Jones, 1988).

Это чувство зависимости может быть связано с культурной иерархизацией, источником которой являются институционализация преобладающей коллективной идентичности и некоторые культурные характеристики, выступающие в качестве критерия включения в эту коллективную или национальную идентичность. Раймон Бретон (Raymond Breton, 1984) назвал их *господствующим символическим порядком*. Состоящий из характеристик, которые приобрели в ходе истории социально значимую ценность и определяют коллективную идентичность этнической или национальной группы (например, квебекская «нация»), господствующий символический порядок соответствует

системе ресурсов и ограничений, внутри которой индивиды и группы стремятся выстроить положительную идентичность и утвердить свой статус¹⁵ (Breton, 1984. P. 137–138; вольный перевод).

¹⁵ «[...] the system of opportunities et constraints within which individuals and groups attempt to construct a positive identity or certify their status».

Таким образом, символический порядок включает в себя неравное распределение престижа, связанного с атрибутами идентичности преобладающей общности. К этим атрибутам относятся и культурные факторы. В контексте Квебека и Канады язык занимает важное место в определении коллективной идентичности и в распределении социального престижа и, следовательно, оказывает воздействие на социальную иерархизацию, основанную на языковых различиях (более тщательный анализ этих вопросов, см.: (Fortier, 1991. Chap. IV).

В) Престиж и отличие

Еще один фактор, который может участвовать в конструкции «этнического» языка, — фактор *престижа и отличия*.

Двенадцать квебекцев итальянского происхождения обращаются как к опознавательному знаку не к итальянскому языку самому по себе, но скорее к своему *мультилингвизму*, в который итальянский язык вводится заново (вместе с французским и английским) и стоит в одном ряду со всеми прочими языками. Так, развивая желание поддерживать связь с прошлым, они к тому же положительно оценивают свой выбор в пользу итальянского как родного языка собственных детей, ссылаясь при этом на важность мультилингвизма и индивидуальной идентичности, которая является его результатом.

«Ты — лучше, когда [говоришь на другом языке]» (вольный перевод).

«Я чувствую превосходство от того, что знаю другой язык. Я чувствую превосходство над тобой, к примеру, если ты говоришь [только по-французски]. Я знаю больше, чем ты» (вольный перевод).

«Мне жаль тебя [...] вот, я, иммигрант, говорю на трех языках, а ты, ты прожил здесь всю жизнь и все еще говоришь только на французском»¹⁶.

«Я горжусь, что знаю три языка».

Мультилингвизм, которому придают большое значение опрошенные, предполагает престижное значение положительного отличия. Говоря о своем превосходстве по отношению к унилингвам, они отличают себя от последних и придают позитивную коннотацию знанию итальянского языка наряду с английским и французским. Так они укрепляют свой статус мультилингва по сравнению со статусом билингва или, тем более, унилингва.

Кажется, в целом, квебекцы итальянского происхождения совершают переопределение языковой иерархии. Все языки потенциально равны, и, в более широком смысле, равны все индивиды, каким бы ни был их родной язык и на каком бы языке они ни говорили; в основе иерархии, предлагаемой этими квебекцами, лежит именно *аккумуляция* языковых знаний, а не языки сами по себе. Различие проводится уже не между франкофонами, англофонами или аллофонами, а между унилингвами, билингвами и мультилингвами, когда последние находятся на высшей ступени иерархии, а первые — на низшей. Кроме то-

¹⁶ «You're a better person for [grasping another language]».

«I feel superior knowing another language. I feel superior to you, let's say, if you don't speak anymore [than French]. I know more than you do».

«I feel sorry for you... here i am, I'm an immigrant, i speak three languages and you, you've been here all your life, and you still speak only French».

го, эта новая иерархия оказывает влияние на переопределение этнических границ и на процесс исключения и включения, который является его частью.

Отметим, вместе с тем, что такие практики исключения-включения равно присутствуют внутри одной и той же языковой общности. Опрошенные квебекцы итальянского происхождения, которые говорили в юношеском возрасте на фриульском диалекте итальянского, таким образом, маркировали отличие молодежи фриульского происхождения не только от жителей Квебека — неитальянцев, но и, равным образом, от квебекцев итальянского происхождения, родители которых приехали из других областей Италии.

[...] Было важно жить и быть вместе с другими людьми нашего происхождения [...] в то время мы говорили между собой только на фриульском, это объединяло нас, потом мы могли сказать себе, что хорошо говорить друг с другом на фриульском людям нашего возраста, [...] когда мы снова объединились как группа молодежи в 1976, произошло смешение. Что было общего, так это не английский или французский, а именно фриульский.

То же чувство положительной дифференциации, усиленное удовольствием от знания языка, незнакомого другим, было выражено другим респондентом:

[...] Можно говорить о чем угодно, и потом никто не узнает, о чем речь. Мы даже помогали друг другу, потому что порой были немного down, и говорили друг с другом на фриульском, чтобы подбодрить себя [...] Это то, что связывает нас, когда мы говорим на фриульском, мы чувствуем себя другими¹⁷.

Как показывают выше приведенные высказывания, различные составляющие (дифференциация и исключение), вовлекаемые в конструкцию «этнического» языка, могут взаимодействовать друг с другом. Кроме того, существующий социальный и символический порядок может взаимодействовать с новым символическим назначением культурного фактора. К примеру, институализованная языковая иерархия и чувство зависимости, которое она порождает у меньшинств, усиливают политическую борьбу и придают большее значение употреблению языка меньшинства. Что, кажется, доступно при употреблении английского языка англоквебекцами, французского — франкофонами за пределами Квебека, или, быть может, в наименьшей мере, итальянского — квебекцами итальянского происхождения.

С) Сопротивление

В применении миноритарных культурных практик некоторые авторы отметили элементы *сопротивления* установленному социальному порядку (Gilroy, 1987; Hewitt, 1986; Hall et Jefferson, 1976; Jones, 1988; CCCS, 1982). Ямайский

¹⁷ Эти примеры отсылают равным образом к вопросу стандартизации языка, на уровне языков и их связей с социальными отношениями и социальной структурой внутри одной и той же языковой общности (François, 1976; Bourdieu, 1982). У армян в Лондоне, к примеру, спор вокруг двух разновидностей армянского языка — восточного и западного армянского, цель которого — определить, какой из них является более «аутентичным» армянским, отсылает именно к социальным этническим отношениям внутри самого армянского народа (помимо этого, он отсылает к вопросу о социальном значении, придаваемом языку, и, шире, вопросу о том, что значит быть армянином) (Talai, 1989. P. 43–44). При исследовании этих вопросов не стоит пренебрегать также ролью государства в языковом планировании и управлении. В

патуа, к примеру, сконструированный в высшей степени политическом контексте, действует как орудие культурного сопротивления, особенно в школьной среде, где чернокожая молодежь бросает вызов авторитету учителей и, в более широком смысле, противопоставляет себя при помощи языка образованию «белого-из-среднего-класса», которое ей навязывается.

Для многих молодых чернокожих патуа стал языком и символом оппозиции, сознательно предпочитаемым стандартному английскому, в качестве культурной силы и в качестве кода солидарности одновременно внутри и вне школьной среды¹⁸ (Jones, 1988. P. 41; вольный перевод).

Для квебекцев итальянского происхождения в этой мультилингвистической практике и в языковой иерархии, как ее составляющей, содержится элемент сопротивления, в той мере, в какой выдвигается требование признания языкового плюрализма квебекского народа. *Весь* дискурс этих опрошенных обращен к мультилингвизму. В редких случаях они скажут об одном языке, не сказав о другом, особенно когда речь идет о языке школьного образования их детей или о квебекском рынке труда. Если они и признают преимущество французского языка в Квебеке,

французский — это язык для работы в Квебеке. [...] [Моя дочь] живет во французской провинции, у тебя нет выбора, ты должен уметь говорить по-французски¹⁹ (вольный перевод),

то говорят о нем всегда в связи с английским языком и в терминах *важности билингвизма*, в неприятии средств, используемых квебекским государством, чтобы установить и укрепить это преимущество французского. Так, например, опрошенный, речь которого была приведена выше, продолжает:

[...] Так вот, я думаю, что для нее важно будет знать французский лучше любого другого языка, [...] английский она и так выучит²⁰ (вольный перевод).

Другой респондент ответил:

[Дети] пойдут [...] во французскую школу, так как, я считаю, абсолютно необходимо, чтобы они в совершенстве говорили на двух языках [на английском и французском].

Так что если они и признают легитимность введения французского как официального и общегосударственного языка, то не соглашаются с определением франкофонного квебекского общества, которое понимается как включающее «англофонов» и «аллофонов». Конечно, знание общепринятого языка государственной деятельности может способствовать ощущению принадлежности к политической целостности «Канада» или «Квебек», к канад-

данном случае отношения между родным государством и диаспорой конституируют измерение, заслуживающее специального исследования, см.: (Perin, 1984; Khan, 1980).

¹⁸ «For many young blacks, patois” became the language and symbol of opposition, used self-consciously, and in preference to standard English, as an expression of cultural strength and a code of solidarity both inside and outside the school context».

¹⁹ «The working language in Québec is a French [...] [My daughter] is in a French province, no two ways about it, you have to know how to speak French...».

²⁰ «[...] so I feel it is going to be important for her to know French more than any other language [...] she'll know English just as well».

скому или квебекскому *гражданству*. Однако, чтобы лучше распознавать себя в определении коллективной квебекской идентичности, эти квебекцы итальянского происхождения предлагают соединение официальной франкизации Квебека с коллективным признанием мультилингвизма своего народа. Как если бы они хотели вывести мультилингвизм из области приватного и интегрировать его в публичное, социальное пространство, промежуточное между государством как юридическо-политической инстанцией, с одной стороны, и индивидами и этническими группами, с другой.

В заключение отметим, что различные формы, которые принимает «этнический» язык, существуют не в «чистом» виде. В использовании языка как опознавательного знака можно одновременно наблюдать исключение и включение, закрытость и открытость. Если мультилингвизм этих двенадцати квебекцев итальянского происхождения (и многих других представителей меньшинств) придает большее значение неофициальным языкам, то в равной мере он представляет собой маркер нового определения итало-квебекской идентичности, пронизанной мультиэтническим присутствием общества.

От наследия к политической борьбе: неровность этноса

Если язык и этническая идентичность могут быть тесно связаны и находиться в метонимическом отношении, то это является частью процесса, конструкции, природа которой в высшей степени условна и исторична. Процессом, посредством которого идентичность одновременно является вопросом конструкции смысла различных (*de différentes*) практик и конструкции смысла в различных (*dans différentes*) практиках. Выше мы уже подчеркнули многомерность процесса выстраивания связи между языком и этнической идентичностью. Мы также столкнулись с разнообразием форм, которые может принимать «этнический» язык: он называется «мультилингвизмом» у квебекцев итальянского происхождения в Монреале, «французским» у квебекцев канадско-французского происхождения, или «лондонским ямайским креольским» у чернокожей британской молодежи. Более того, он может способствовать чувству зависимости, отчасти порожденному господствующим символическим порядком, но, кроме этого, может быть облечен ценностью престижа и отличия или сопротивления в переопределении этнических границ и нового символического порядка.

Чтобы понять этот процесс конструкции языка как фактора этнической дифференциации, мы предложили различать «родной» и «этнический» языки. Это различие перекрывает неровность этноса на двух уровнях (Juteau, 1983; Hewitt, 1991). Если следовать этому различию, существует этнос мобилизованный, политизированный в практиках сопротивления и придания ценности идентичности, актуализируемый группами в ситуации конфликтов и борьбы за доступ к материальным и символическим ресурсам, а также неполитизированный, немобилизованный этнос, из которого вытекают мобилизованные силы. Этот этнос живет и выстраивается каждый день, он почти незаметно входит в практики, посредством которых происходит социализация индивидов.

Эти политизированные и неполитизированные практики не являются взаимоисключающими. Если между креольским языком карибских иммигрантов (который представляет собой «общинный» язык) и лондонским ямайским кре-

ольским чернокожей молодежи (Hewitt, 1986; Jones, 1988) существует четкое различие, то у квебекцев итальянского происхождения разница между «родным» и «этническим» языком не является такой отчетливой. Последние используют как опознавательный знак свой мультилингвизм, который существует благодаря их знанию итальянского языка. Так что он является косвенно мобилизованным и действует одновременно в политизированной и неполитизированной этнической общности.

Заключение

У квебекцев итальянского происхождения, о которых мы говорили, «родной» язык не инвестируется необходимым и vitalным образом в выживание этнической идентичности. Вместе с тем если они и придают важность определенным традициям или ценностям, которые считают «итальянскими», то не делают из них основополагающих факторов в воспроизводстве этнической идентичности, которая была бы *только* итальянской.

Данные, представленные здесь, конечно, дают представление о том, как индивиды выстраивают свою идентичность в *контексте* социальных этнических отношений, однако без необходимости признавать за этносом то же место, ту же форму или тот же смысл, какие приписывается ему в господствующем символическом порядке. Подобно тому, как в качестве цели этой статьи мы предложили исследовать связь между языком и идентичностью в ее глубине, формах, измерениях и уровнях, следовало бы подробнее остановиться на месте этноса *в себе* в конструкции индивидуальной идентичности.

Исследования, которые проводятся среди потомков иммигрантов, позволяют собрать красноречивые свидетельства по данному вопросу. На самом деле этнос, исследуемый нами и переданный на примере этих индивидов, принимает более текучую форму (см.: Meintel) и напоминает скорее плетение и переплетение фрагментов, чем их расхождение и конфронтацию, даже если эти фрагменты иногда противоречат друг другу. Вот пути, которыми нужно было бы следовать, стоит только вдохновиться деконструкцией этнического абсолютизма.

Резюме

В какой мере метонимическое отношение между «родным» языком и этнической идентичностью, институционализированной в Квебеке, интегрировано членами миноритарных групп? В рамках рассуждения о конструкции связи между языком и этнической идентичностью автор анализирует высказывания квебекцев итальянского происхождения о некоторых из их языковых практик. Представленные данные раскрывают как некоторые составляющие, которые могут лежать в основе конструкции связи между языком и идентичностью, так и различные формы и значения, которые она может принимать. Эти вариации на одну и ту же тему могут быть поняты наряду с господствующим символическим порядком. Являясь следствием этого символического порядка, они в то же время свидетельствуют о его новой проблематизации и о воле к его переопределению.